

РЕЦЕНЗИИ

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ НА ЮГЕ РОССИИ

**Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России / Г.Г. Матишов,
Д.Г. Котеленко, В.А. Авксентьев и др. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 160с.**

В настоящее время в Российской Федерации проживает более ста национальностей. Специфика ситуации состоит в том, что 81% приходится на долю одного народа – русского, а лишь 19% – на все остальные. В постсоветский период стихийно сформировалась впечатляющая по своим масштабам религиозная инфраструктура. Сегодня можно констатировать наличие достаточно стабильного конфессионального ландшафта.

Д.Г. Котеленко пишет: «Бурный рост религиозных организаций в постсоветской России завершился к 2004–2006 гг. В настоящее время общее число организаций (зарегистрированных и незарегистрированных) превысило 5 тыс. Основными вероисповеданиями (по числу верующих и религиозных организаций) на юге России являются православие, ислам и пять основных неопротестантских конфессий (евангельские христиане, баптисты, пятидесятники, адвентисты и Свидетели Иеговы).

Православный и исламский пояс существенно различаются по консолидированности, наполненности, интенсивности религиозных проявлений. На территориях традиционного распространения ислама отмечаются высокое число и высокая плотность религиозных организаций. Абсолютно и с большим отрывом лидируют дагестанское нагорье и Карачаево-Черкесия (карачаевские районы). Православный пояс отстает по обоим показателям в разы (Карачаево-Черкесская Республика) и в десятки раз (Дагестан). Сверхрелигиозные центры включают также Чечню и Ингушетию» [1].

По его мнению, серьезных изменений этноконфессиональных границ на юге России в ближайшие годы ожидать не стоит, поскольку:

1) достаточно четко обозначились границы традиционных конфессий. Ислам за последние 18 лет не продвинулся дальше, хотя условия и возможности для этого были. Кроме того, неизвестно, насколько жесткое сопротивление будет встречать продвижение ислама на православных территориях. Тем не менее границы «исламских» регионов Северо-Восточного Кавказа останутся закрытыми для религиозных интервенций;

2) географически дисперсная миграция (в сельские районы) имеет пределы, в отличие от миграции в города (емкость связана с экстенсивным характером сельского производства, обостряющего конфликты за ресурсы). Некоторое «продвижение» ислама было связано, в первую очередь, с «освоением» новых территорий;

3) наступил период стабилизации и укрепления государства и общества, а период духовных исканий и экспериментов в целом завершился. Неопротестантские конфессии исчерпали возможности для существенного увеличения численности на юге [2].

Религия, будучи социальной подсистемой общества, многообразными связями переплетающейся с другими компонентами общественной системы, в той или иной мере всегда является фактором определенного состояния или изменения этой системы. Превращение ее в реальный фактор конкретных общественных процессов, в том числе в сфере межнациональных отношений, происходит путем выполнения религией соответствующих социальных функций.

Проявления религии многообразны, что определяется сложностью и неоднозначностью ее внутренней структуры и многообразием ее компонентов и связей. А.М. Буттаева пишет: «На протяжении столетий религия формировала отношение человека к миру, природе и к жизни в целом. Начавшийся в последние десятилетия процесс массового обращения людей к духовным ценностям национальных культур (к христианству у одних, к исламу и буддизму у других народов) неразрывно связан с поиском и формулированием законов морально-этического поведения в обществе.

Являясь частью общественного организма, религия также испытывает на себе влияние нарастающих глобальных процессов, поэтому необходимо использовать ее традиционные ценности в определении отношений человека с современной поликультурной средой» [3].

За последние годы в мире, в том числе и в нашей стране, интерес к исламской проблеме значительно возрос. Он обусловлен крупномасштабными процессами, происходящими в современном мусульманском мире. События глобального характера, происходящие в регионе Ближнего Востока, привели к образованию таких противоречий, которые опасны для всего мира. Ислам не только играет активную роль в урегулировании региональных событий, но и оказывает значительное влияние на мировую геополитическую картину.

Наиболее конфликтогенный характер этноконфессиональные отношения на Юге России носили в девяностые годы прошлого века. Взаимоотношения между народами Российской Федерации носили сложный противоречивый характер. Религиозный фактор, как правило, оказывает на общества и политические системы долговременное влияние, которое не всегда легко оценить сразу, в текущий момент.

В коллективной монографии ученых Южного научного центра РАН, возглавляемых академиком Г.Г. Матишовым, комплексно исследуются роль и значение религиозного фактора на южных рубежах России, его влияние на безопасность нашего государства. В работе выявлены основные тенденции развития религиозных сообществ на юге России, проанализировано воздействие религиозного фактора на социально-политические процессы, протекающие на Северном Кавказе и в России в целом, сформулированы рекомендации органам власти в отношении ключевых проблем этноконфессионального развития.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Пространственное развитие Российской Федерации: междисциплинарный синтез» Подпрограммы №12

«Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона», проекта «Функционирование и развитие религиозных сообществ на юге России» (2009–2010 гг.) В авторский коллектив монографии вошли известные российские ученые Г.Г. Матишов, Д.Г. Котеленко, В.А. Авксентьев, С.С. Белоусов, И.А. Миронов, М.Ю. Филиппов, М.Б. Марзаева, С.В. Ратнер, С.А. Раздольский, В.Ю. Валявин. Ответственными редакторами книги являются доктор философских наук С.Я. Суций и доктор исторических наук Т.П. Хлынина.

По мнению авторов монографии, большинство работ, в которых рассматривается современная этноконфессиональная ситуация на юге России, представлено исследованиями отдельных проблем религиозной жизни, регионов или вероисповеданий. Предлагаемое исследование представляет одну из первых попыток комплексного анализа религиозной ситуации в макрорегионе.

Использованный авторами подход, включающий в себя пространственный, конфликтологический и системный анализ, представлен в четырех томах «Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков юга России», изданного Южным научным центром РАН. Отметим, что в монографии использованы данные о религиозных организациях, предоставленные Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области, Комитета по делам религии Министерства национальной политики, информации и внешних связей Республики Дагестан, аналитические материалы органов власти, многочисленные архивы российских новостных сайтов и другие источники.

Нельзя не согласиться с точкой зрения авторов, что продолжающаяся сегментация политических систем развитых стран во многом обусловлена тем, что национально-политическую самоидентификации теснят этническо-религиозные групповые идентичности. Последние трудно согласовать между собой, а достигаемый консенсус оказывается более хрупок, что в целом не только снижает запас устойчивости демократических систем, но, как

свидетельствуют события последних лет, угрожают самому их существованию.

«В 90-е годы конфессиональная идентичность была одним из множества факторов, которые удерживали трансформирующееся российское общество и государство от распада. Однако сегодня стало очевидно, что на этой основе не удастся сформировать прочный фундамент национальной идентичности. Религия – даже в самых умиротворенных проявлениях – разделяет людей разной веры. Очевидно, что власть сознает опасность конфессиональной неоднородности страны и пытается ее преодолеть, снижая в общественной жизни значение религии» [4, с. 7].

Культурное многообразие России представляет собой сумму этнических и конфессиональных идентичностей более ста народов, проживающих на территории государства. Феномен современного российского самосознания возник на основе межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, имеющего многовековую историю. Мы рассматриваем этническую и религиозную идентичности в качестве базовых ценностей, оказавших решающее влияние на становление общероссийской культурной и цивилизационной традиции. В России в настоящее время идет процесс формирования общенациональной идентичности, на государственном уровне предпринимаются попытки сформировать единую общенациональную идентичность различными средствами. По нашему мнению, эти попытки не всегда успешны в силу того фактора, что воплощение предлагаемых на государственном уровне идей, которые способствовали бы формированию общей идентичности, сталкивается с серьезными препятствиями.

Одной из серьезных причин такой ситуации, как мы полагаем, является социокультурная поляризация и, как следствие этого, нетерпимость. Являясь прямым следствием неспособности примирить те или иные этнические, социокультурные и конфессиональные различия, нетерпимость стала сегодня крупнейшим препятствием на пути становления общенациональной

российской идентичности. Эта тенденция характерна не только для России. Радикальная модернизация всех общественных отношений, осуществляемая в пределах очень короткого исторического периода, неизбежно приводит к обострению ряда проблем – политических, экономических, культурных, социально-психологических, межнациональных и межконфессиональных. В современных условиях фокус внимания все больше смещается в область взаимодействия различных социально-экономических, политических, социокультурных тенденций, которые определяют параметры отношений между человеком и природой, государством и обществом, властью и индивидом.

Первым шагом на пути решения проблемы наметившегося социокультурного размежевания, как полагают авторы книги, должен стать обстоятельный анализ текущей ситуации. Попытка подобного анализа представлена в первой главе книги – «Неуправляемое религиозное возрождение и проблема социокультурного размежевания». Социокультурное пространство социума и его региона можно охарактеризовать как множество субъектов культуры и социальности, которые устойчиво связаны с определенной территорией, воздействуют на ее объекты и взаимодействуют между собой. Их взаимодействие образует социокультурные поля, в которых развиваются центр и периферия, узлы и диффузные рыхлости, горизонтальные и вбертикальные структуры, между которыми осуществляется мобильность населения, проживающего на данной территории. Определенные результаты взаимодействий представляют собой наблюдаемый (визуальный) слой социокультурного ландшафта, на котором вырастает идентичность населения с теми или иными ареалами социокультурного пространства. Интенсивность идентичности зависит от социокультурных смыслов ареала, от физической близости/отдаленности его субъектов друг от друга, от характера и скорости коммуникации между ними. Символическое, предметное и институциональное пространство региона тесно переплетаются.

По мнению авторов, картографирование или визуализация проблемы в значительной степени облегчает ее понимание, а в конечном счете и поиск приемлемого решения. В книге дано картографирование итогов религиозного возрождения в постсоветской России, которое, как они считают, позволило выявить наиболее узкие места и проблемные точки, на которые в первую очередь следует обратить внимание. Было проанализировано распределение религиозных организаций по территории городов и районов в субъектах Российской Федерации, расположенных в пределах Южного федерального округа (в границах до 2010 г.). В 299 муниципальных образованиях действовало более 5200 религиозных организаций, из них было зарегистрировано примерно 3500.

Несомненный интерес для нас представляет анализ распределения религиозных организаций по территории Дагестана. Как отмечается в книге, высокий уровень религиозности характерен для обществ с традиционной культурой. «Возможно, не случайно по числу мечетей Дагестан вернулся к показателям начала XX в. По сравнению с тем же периодом «русские» регионы имеют на душу населения в среднем в пять раз меньшее число религиозных организаций. Уровень религиозности (по крайней мере, в том что касается числа мечетей на душу населения) сопоставим с таковым в странах исламского мира. Например, аналогичные показатели демонстрирует 70-миллионная Турция с ее 80 тыс. мечетей, тогда как в России с населением 141 миллион человек насчитывается порядка 30 тыс. религиозных организаций» [4, с. 27–28].

Изменения этноконфессионального ландшафта юга России, произошедшие в постсоветской России, характеризуются авторами как расширение зоны ислама за счет традиционных территорий распространения православия и буддизма. Наиболее зримо эта динамика проявляется в сельской местности, где постепенно нарастает присутствие мусульман и снижается доля православных и буддистов. Подобные изменения несут определенный конфликтный заряд. Соприкосновение двух этнокультурных

полей – исламского и православного – создает напряжение, проявляющееся в эпизодических конфликтах.

Вторая глава книги называется «Терроризм и исламские ценности на Северном Кавказе». В ней авторы рассматривают возможные сценарии развития военно-политической ситуации на Северном Кавказе в связи реальной угрозой терроризма и религиозно-политического экстремизма в регионе. За последние годы лидеры сепаратистов изменили свою стратегию и идеологию. Наиболее значимым фактором в этой связи представляется деятельность консолидированного террористического подполья, опирающегося на идеологию радикального ислама. До недавнего времени комплекс социально-политических и экономических проблем южного макрорегиона рассматривался учеными в качестве главной угрозы безопасности и основного препятствия для устойчивого развития, в то время как деятельность террористического подполья квалифицировалась всего лишь как один из вызовов стабильности и безопасности государства и общества. Усилению террористического подполья способствует также недоверие к действующей власти со стороны значительной части населения, концентрация в обществе протестной энергии. По мнению авторов, существует риск исламизации Северо-Кавказского региона по афганскому сценарию.

Нельзя не согласиться с мнением авторов монографии, что исламское возрождение – процесс стихийный, несмотря на стремление региональных и зарубежных игроков использовать его в своих интересах, влиять на его развитие для дестабилизации ситуации на Северном Кавказе. Тем не менее значительную роль в развитии событий по неблагоприятному сценарию сыграли действия самой федеральной власти, сделавшей ставку на поддержку традиционного ислама в качестве противовеса исламу радикальному. Неожиданные последствия всегда будут сопутствовать принимаемым решениям при отсутствии долгосрочной стратегии, при ситуационном реагировании.

Многие эксперты и ученые в постсоветский период ориентировали власть на оказание поддержки традиционному исламу. Эта идея, со своей стороны, лоббировалась на региональном и федеральном уровне исламским духовенством северокавказских республик. И если последнее вместе с поддержкой властей получало доступ к ресурсам влияния, результатом становилось усиление влияния исламского образа жизни, исламских ценностей на жизнь северокавказских обществ. Религиозная пропаганда, направленная в первую очередь на молодежь, вместе с приобщением ее к основам веры, к исламской культуре, нравственности, одновременно формировала косный, догматический тип мышления, авторитарно-консервативные, традиционалистские стратегии социального поведения [4, с. 63].

Несомненно, что региональные власти рассчитывали, что поддержка традиционных исламских деятелей продлит их пребывание у власти. От себя добавим, что во многом их поведение копировало заигрывание с религиозными деятелями федеральной власти, целью которой было использование всей палитры политических влияний на все слои населения с целью сохранения своих позиций. В результате непродуманной и неуправляемой пропаганды традиционалистских ценностей религиозная идеология захватила освободившуюся нишу, тем самым были созданы благоприятные идеологические условия для распространения в Северо-Кавказском регионе религиозного экстремизма вкупе с сепаратистскими устремлениями. Поддерживая неконтролируемый процесс возрождения традиционного ислама, власть не учла, что способность пробудить и способность управлять религиозным возрождением – не одно и то же.

Отметим, что в книге сделаны достаточно объективные и обоснованные выводы, иногда поражающие своей прямоотой и критическим отношением. «Процесс религиозного возрождения был пущен на самотек. Местные власти рассчитывали тем самым завоевать симпатии населения и тем упрочить свое положение. Однако идеи самоорганизации и саморегулирования религиозной

сферы себя не оправдали: «джин был выпущен из бутылки». И ситуация вышла из-под контроля. Складывается абсурдная ситуация: с целью борьбы с распространением радикальных идей республиканские и местные власти санкционируют усиление религиозной пропаганды со стороны традиционных структур. Как можно бороться с исламским радикализмом с помощью фактической исламизации?» [4, с. 67].

Авторами подробно исследуются причины исламизации молодежи на Северном Кавказе. В постсоветский период молодежь оказалась предоставленной самой себе, в отличие от советского времени, когда государство брало на себя заботу о подрастающих поколениях, о реализации энергии молодежи в общественно полезной сфере. В результате выросло целое поколение молодых людей, основой мировоззрения которых стала религия. Подавляющее число участников современного террористического подполья на Северном Кавказе составляют 15–20-летние молодые люди, сильно отличающиеся по своим идейным установкам от поколения 25–30-летних, придерживающихся более светских и умеренных взглядов. Исламисты опасны тем, что они имеют вполне конкретную цель – осуществление исламистского политического проекта, т.е. захват политической власти. Эти идеи становятся вполне реальным оружием, особенно когда в обществе не создано внятных, разделяемых большинством населения идеологических приоритетов развития. Результатом исламского возрождения на Северном Кавказе стало появление целого поколения, чрезвычайно восприимчивого к идеям радикального ислама.

Как отмечают авторы книги, в последние годы мы столкнулись только с первыми результатами исламского возрождения на юге России. В действие пришел своеобразный механизм культурной инерции, и, чтобы преодолеть создавшееся положение, потребуются длительные усилия. Одной из важнейших является задача последовательного утверждения светских ценностей в сфере образования, политике, СМИ, образе жизни. Согласимся, что культурные факторы, в отличие от социально-экономических, способны

оказывать несопоставимо более глубокое влияние на жизнь общества, определять траекторию его развития на длительную перспективу.

Третья глава книги посвящена исследованию различных сетевых религиозных сообществ в регионе. Традиционно они квалифицируются как протестанты, однако это качественно новое явление, обозначаемое как неопротестантизм, который объединяет баптистов, евангельских христиан, адвентистов, свидетелей Иеговы, пятидесятников и др. Обращает на себя внимание тот факт, что особенно интенсивно многочисленные западные вероисповедания представлены в районах «цветных» революций, на территориях, имеющих большое геополитическое и геостратегическое значение, в регионах, выступающих объектом притязания внешних сил.

Если до 1991 г. неопротестантские проповедники вели масштабную миссионерскую деятельность по всему миру, исключая страны исламского мира и СССР, то с распадом Советского Союза для них открылось новое пространство для деятельности. Сегодня в России совокупная доля этих конфессий от общего числа религиозных организаций достигает 25–40%, а число верующих исчисляется сотнями тысяч.

Сегодня этнически в составе российских неопротестантов абсолютно преобладают русские и украинцы. Однако нельзя утверждать, что другие народы юга России обладают духовным иммунитетом по отношению к любым версиям неопротестантизма. Среди евангельских христиан, неопятидесятников, адвентистов, свидетелей Иеговы есть адыгейцы, армяне, евреи, немцы, калмыки, корейцы, осетины, лезгины и представители других национальностей. Таким образом, неопротестанты являются весомой частью конфессионального ландшафта юга России.

Несомненно справедливым является вывод авторов, что религиозный фактор будет оказывать важное влияние на общественно-политическую ситуацию на юге России, в том числе и на Северном Кавказе. Приводится широкий перечень возможных негативных последствий этого влияния, среди

которых, к примеру, такие, как размежевание, снижение лояльности, архаизация, рост насилия, терроризм.

Ограничивающим фактором, который бы упорядочил религиозное возрождение, в настоящее время могла бы стать соответствующая политика федеральной власти, что не означает ограничение религиозной свободы, а всего лишь защиту ценностей светского общества и государства. Отметим, что книга рассчитана не только на управленцев-практиков и специалистов, изучающих данную проблематику, но и на широкий круг читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котеленко Д.Г.* Конфессиональные границы на юге России. Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: Материалы Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону., 21–22 сентября 2009 г. Ростов н/Д, 2009. С.152.
2. Там же. С. 152–153.
3. *Буттаева А.М.* Исламское возрождение в России // Вестн. Дагест. науч. центра. 2010. № 36. С. 72.
4. Религиозный фактор и проблемы безопасности юга России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 160 с.

*Г.И. Юсупова, доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Регионального центра
этнополитических исследований ДНЦ РАН.*

